

Она попыталась пройти узким переулком, чтобы догнать сбежавшего главаря, но в конце переулка раздался слабый звук. Подумав, что это бандит, она подошла ближе и увидела маленькую девочку лет трёх-четырёх, сидящую на земле. У ребёнка были огромные глаза, а круглое личико напоминало булочку. Девочка пристально смотрела на Сяо Юй, не плача и не капризная, ведя себя удивительно спокойно.

Сяо Юй слегка наклонилась, пытаясь её развеселить, но та отвернулась, полностью проигнорировав её.

Любопытство Сяо Юй разгорелось ещё сильнее, и она решила во что бы то ни стало подружиться с ребёнком.

— Малышка, хочешь красных яблок в карамели? — спросила Сяо Юй с улыбкой.

Девочка по-прежнему молчала, но, услышав про угощение, её горлышко предательски сглотнуло слюну. Сяо Юй рассмеялась, увидев это.

— Вижу, у тебя нет родителей. С сегодняшнего дня ты будешь со мной! — Сяо Юй подхватила девочку на руки и направилась к выходу из переулка.

Видно, такова наша судьба, воля Будды.

Пусть тебя зовут Фо Ло.

Три года спустя.

— Учитель, я освоила Четыре шага божественного странствия!

— Тогда теперь ты будешь изучать Искусство детского сердца.

Прошёл месяц...

— Учитель, я освоила Искусство детского сердца!

Сяо Юй широко раскрыла глаза...

— Тогда я научу тебя Ладони, отделяющей душу...

— Учитель, я уже...

— Учитель, я уже...

Сяо Юй: «...»

Только тогда Сяо Юй поняла, что Фо Ло — настоящий вундеркинд в боевых искусствах, и без колебаний стала обучать её множеству приёмов.

Учитель и ученица странствовали по всему Цзяннань несколько лет, пока однажды Сяо Юй не получила письмо и не вернулась с Фо Ло в Нанкин.

В тот день они стояли перед огромным зданием с жёлтой черепицей, покрытым лаком, у входа которого возвышались две резные статуи пиксиу. Фо Ло заглянула внутрь: золотые потолки, каменные стены, украшенные пёстрыми узорами с цветами и птицами. Всё выглядело невероятно роскошно. Поскольку обычно они останавливались в простых гостиницах, Фо Ло не

понимала, зачем Сяо Юй привела её в такое великолепное место.

— Мы пришли, Лоэр. Отныне это твой дом. — Сказав это, Сяо Юй весело вошла внутрь, оставив маленькую Фо Ло стоять одной. Та подняла голову и увидела табличку с тремя изящными иероглифами: «Терем Древнего Журавля». Взглянув внутрь, она заметила, как люди, увидев Сяо Юй, сначала изумились, а затем пришли в полный восторг.

Позже Фо Ло узнала, что её учительница была хозяйкой этого терема. Та самая беспечная и свободолюбивая женщина, оказывается, занимала столь высокое положение.

Прошло ещё десять лет.

В день, когда Фо Ло исполнилось восемнадцать, Сяо Юй устроила для неё праздник в тереме. Тот вечер озарили тысячи фонарей, гости веселились и радовались.

Глубокой ночью Сяо Юй позвала Фо Ло к себе.

Та смотрела на учительницу и замечала, что время не оставило ни единого следа на её лице.

— Лоэр, мне нужно кое-что с тобой обсудить. — Сяо Юй сидела в кресле, покрытом собольим мехом, и выглядела серьёзнее обычного.

Фо Ло кивнула, ожидая продолжения.

— Ты уже взрослая. Мне нужно отправиться на поиски одного человека, и с этого дня управление теремом переходит к тебе.

Фо Ло была потрясена. Сяо Юй всегда сообщала ей новости так внезапно.

Увидев её замешательство, Сяо Юй поспешила успокоить:

— Лоэр, не тревожься. Я оставила тебе верных помощников. С управлением теремом проблем не будет.

— Учитель, вы ищете старшую сестру? — с тревогой в голосе спросила Фо Ло, её глаза наполнились беспокойством.

Сяо Юй долго молчала, прежде чем ответить:

— Боюсь, она сошла с ума и не сможет вернуться.

В ту ночь Нанкин погрузился в тишину. Глядя с балкона Терема Древнего Журавля, Фо Ло увидела, что Сяо Юй уже исчезла, оставив её одну взирать в даль до самого рассвета.

С того дня в Тереме Древнего Журавля появилась новая хозяйка.

А Сяо Юй, кроме нескольких писем с весточкой, что с ней всё в порядке, больше не возвращалась.

— Хозяйка? Хозяйка? — Фэн Чэнь, видя, что Фо Ло погрузилась в мысли, осторожно попытался привлечь её внимание.

Услышав его голос, Фо Ло очнулась и вспомнила, что они всё ещё на вершине горы.

Уже стемнело, в горах стали слышны крики птиц и зверей. Фо Ло спрятала нефритовую печать в сумку.

— Фэн Чэнь, возвращаемся в терем.

[Так это был господин Сяо]

Дом Фан в Цзяннань.

С приходом осени листья камфорного дерева во дворе начали желтеть, а пышный плющ, покрывавший стены летом, потускнел.

В деревянной хижине на заднем дворе Дома Фан на каменном столе лежал лист бумаги с узором «черепаший панцирь», придавленный чернильницей. Фан Мяожань держала в руке фиолетовую кисть, её поза была безупречной. Она быстро и уверенно выводила иероглифы, и вскоре бумага покрылась стройными, плавными штрихами.

Прошло несколько дней с её возвращения домой, и всё это время Фан Мяожань провела в хижине на заднем дворе, занимаясь каллиграфией и живописью, почти не появляясь в главном доме.

С приближением свадьбы в доме царила праздничная суэта. Повсюду висели свадебные украшения, а слуги, встречая Фан Мяожань, кланялись и поздравляли её. Однако сама она не испытывала никакой радости и не знала, как на это реагировать.

Глядя на множество рисунков в комнате, она думала о том, что всегда была увлечена пейзажами, птицами и цветами, но теперь на бумаге возникал лишь образ той женщины из Нанкина.

Несколько дней они не виделись, и она не знала, где та сейчас.

Погружённая в свои мысли, она обернулась и увидела цинь у окна. Вспомнив, как месяц назад они играли на нём вместе, она почувствовала, как сердце сжалось. Тогда та была её учительницей и, несмотря на неумелость ученицы, терпеливо обучала её.

Фан Мяожань призналась себе, что мысли о Фо Ло стали навязчивыми, словно кошмар. Чем больше она пыталась от них избавиться, тем сильнее становилась боль.

Внезапно ей кое-что пришло в голову...

В главной комнате Дома Фан старый Фан Гэнь заварил чай «Лунцзин» и, держа в руках книгу по истории, удобно устроился в кресле из ротанга.

Стук в дверь прервал его размышления. Он отложил книгу и крикнул:

— Войдите.

Фан Мяожань осторожно вошла.

Увидев дочь, Фан Гэнь сразу же расплылся в улыбке, его лицо смягчилось.

— Мяожань, что случилось? — Он не видел её несколько дней. Спросив служанку, он узнал, что дочь занимается каллиграфией на заднем дворе и не хочет, чтобы её беспокоили. Это вызвало у него некоторое беспокойство.

— Отец, помнишь, ты говорил, что в Нанкине будет Поэтический турнир, и предложил мне поехать туда с братом? — Фан Мяожань говорила тихо, её ресницы трепетали, что делало её ещё милее.

Фан Гэнь хлопнул себя по лбу:

— Ах, я совсем забыл об этом, слишком занят свадьбой.

Он внимательно смотрел на дочь, заметив, что она выглядит не так живо, как раньше. Он подумал, что постоянное сидение дома, возможно, не идёт ей на пользу.

— Дорогая, до свадьбы остался месяц. Позови брата, пусть отвезёт тебя в Нанкин развеяться. Сидеть здесь целыми днями, наверное, тебя уже замучило.

Услышав это, Фан Мяожань почувствовала, как тяжёлый камень с души свалился. Она улыбнулась отцу, и глаза её засияли.

Фан Гэнь поднял чашку и сделал несколько глотков свежего чая. Видя, как дочь оживилась, он тоже улыбнулся:

— Ступай, ступай.

Фан Мяожань вышла из главной комнаты и, пройдя мимо пруда в саду, направилась в восточный флигель, чтобы обсудить поездку с Фан Цзинем. Его слуга сообщил ей, что брат ещё не проснулся.

Честно говоря, в Доме Фан больше всех ел и спал только Фан Цзинь.

Слуга услужливо открыл дверь, явно желая, чтобы Фан Мяожань увидела, в каком состоянии находится её брат.

Войдя в комнату, она сразу же почувствовала сильный запах перегара. На столе валялись опрокинутые глиняные кувшины из-под вина, а на полу были разбросаны орешки.

Фан Цзинь лежал на кровати, обнажив плечи, и громко храпел. Одеяло было сброшено на пол. Картина была удручающей.

Фан Мяожань молча постояла в отдалении, затем взяла кисть из стакана на столе и, подойдя к брату, слегка пощекотала ему ухо.

Фан Цзинь во сне захихикал, но не проснулся. Это был её обычный способ разбудить брата. Обычно он не выносил таких шуток, и его смех разносился по всему дому.

<http://bllate.org/book/16259/1462855>